

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Мальцев¹

МГУ имени М. В. Ломоносова /
Институт экономики УрО РАН /
Университет Пикардии имени Жюль Верна
(Москва, Екатеринбург, Россия / Амьен, Франция)
УДК: 330.88

ПЕТР I И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ²

В статье рассматриваются особенности процессов междисциплинаризации в современных общественных науках. Автором показано, что в наши дни эти процессы находят отражение не столько в «интервенции» экономистов на «территорию» смежных социальных дисциплин, сколько в переносе в экономику концепций и установок из других наук об обществе. Раскрыты причины сокращения интереса обществоведов к «большим теориям» и выделены факторы, обусловившие начало так называемого количественного поворота в общественных науках. Автором продемонстрировано, как процессы эмпиризации общественных наук связаны с междисциплинаризацией исследовательского пространства. Проведенный в исследовании анализ позволил установить, что в настоящий момент одним из главных факторов, способствующих укреплению диалога между представителями различных социально-гуманитарных дисциплин, выступает растущее единство аналитического аппарата. Как итог, все чаще исследователи определяют свою профессиональную самоидентификацию через используемые ими методы. На примере материалов статей, подготовленных участниками конференции «Парадоксы петровских преобразований: выводы для экономики современной России», проведенной на экономическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова 21 сентября 2022 г. и вошедших в настоящий номер «Вестника Московского университета. Серия 6. Экономика», проанализирована специфика процессов междисциплинаризации российского обществоведческого дискурса. Установлено, что в отличие от зарубежных коллег российских обществоведов объединяет не столько общность аналитического инструментария, сколько стремление вписать свои исследования в большую теоретическую рамку. Такой рамкой среди российских обществоведов на протяжении последних десятилетий выступают различные разновидности институционализма.

Ключевые слова: экономическая наука, междисциплинарный синтез, эмпирический поворот, социальные дисциплины.

¹ Мальцев Александр Андреевич — д.э.н., доцент, и.о. зав. кафедрой политической экономики, зам. декана по аспирантуре и организации исследовательского процесса, Экономический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, в.н.с. Института экономики УрО РАН, докторант Университета Пикардии имени Жюль Верна; e-mail: almalzev@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9153-5120.

² Статья выполнена в рамках исследовательского проекта «Регуляторное вмешательство в цифровую эпоху: корректировка когнитивных ошибок или препятствование предпринимательству»

Цитировать статью: Мальцев, А. А. (2023). Петр I и междисциплинарный синтез. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 3–19. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-1>.

A. A. Maltsev

Lomonosov Moscow State University /
RAS Institute of Economics Ural branch /
University of Picardie Jules Verne
(Moscow, Ekaterinburg, Russia / Amiens, France)

JEL: A12, B40

PETER THE GREAT AND INTERDISCIPLINARY SYNTHESIS

This paper examines the specifics of interdisciplinary synthesis in modern social sciences. The author argues that currently economists do not “intervene” on to the “territory” of adjacent social sciences but rather export concepts from their disciplines into economics. The article reveals the reasons for the decline in the interest of social scientists in “grand theories” and highlights the factors that conditioned the rise of the so-called quantitative turn in social sciences. The author demonstrates the correlation between the empirical turn in social sciences and the promotion of interdisciplinarity. The analysis allows to state that the main driver enhancing the dialogue between representatives of various scientific fields is the growing unity of the analytical toolkit used by scholars. As a result, more and more researchers identify themselves through the analytical methods they use. Drawing on the papers prepared by the participants of the conference “Paradoxes of Peter the Great’s reforms: lessons for the economy of modern Russia”, held at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University on September 21, 2022 and formed this issue of Lomonosov Economics Journal, the author examines the manifestations of interdisciplinary approach in Russian social sciences. It has been identified that, unlike their international colleagues, Russian social scientists are united not so much by common analytical toolkit, but by the desire to fit their research into a broad theoretical framework, which over the past decades is represented by diverse types of institutionalism.

Keywords: economics, interdisciplinary synthesis, empirical turn, social disciplines.

To cite this document: Maltsev, A. A. (2023). Peter the Great and interdisciplinary synthesis. *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 3–19. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-1>.

Введение

«То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник», — писал в 1826 г. о Петре I А. С. Пушкин. Спустя без малого двести лет ситуация практически не изменилась — специалисты так и не пришли к какому-то консенсусу в отношении оценки деятельности царя-реформатора. При этом, судя по всему, накал дискуссий вокруг фигуры Петра I и проведенных им ре-

форм значительно возрастает к круглым юбилейным датам. Минувший 2022 г. не стал исключением. Если обратиться к ресурсам поисковой системы Google Scholar, то выяснится, что за 2022 г. (год 350-летия Петра I) в нее вошло примерно 22 тыс. работ, написанных на русском языке, в заглавии которых фигурирует имя Петра I¹. Для сравнения, десятилетием ранее в той же Google Scholar было проиндексировано лишь 17,2 тыс. публикаций, содержащих в названии упоминание о первом российском императоре².

Еще любопытнее взглянуть на рост интереса к изучению личности и деятельности Петра I сквозь призму анализа дисциплинарной принадлежности авторов, занимающихся подобными изысканиями. Логично предположить, что наибольшую активность в такого рода исследованиях должны проявлять историки. Библиометрическая статистика полностью подтверждает эту гипотезу. Так, в eLibrary в 2022 г. в тематическую рубрику «История. Исторические науки» оказались включены 133 материала, в названии которых встречается словосочетание «Петр I», тогда как, скажем, по тематике «Философия» «петровских» работ насчитывалось лишь 43. Однако если суммировать общее количество публикаций из рубрик «Экономика. Экономические науки» (44), «Политика. Политические науки» (35) и «Социология» (17), чьи авторы в 2022 г. упомянули в заглавии Петра Великого, то окажется, что неисторики превзошли историков (139 против 133 работ, соответственно)³.

Чем же можно объяснить стремление «непрофильных» специалистов к изучению деятельности Петра I? Конечно, велик соблазн объяснить его многогранностью деятельности Петра Великого, масштабом и противоречивостью его преобразований, создавших такое количество материала для осмысления, запас которого подпитывает интерес исследователей уже четвертое столетие подряд. Наверное, будут правы и эксперты, пишущие о том, что «Петр I создал современную Россию» (Raeff, 2019, p. 76), поэтому, изучая петровскую эпоху, мы постигаем корни современных социально-экономических проблем.

Безусловно, такого рода аргументы нельзя сбрасывать со счетов, однако, за ростом числа работ отечественных обществоведов, посвященных Петру I, может стоять нечто большее, чем одно лишь желание отыскать в прошлом истоки вызовов, с которыми сталкиваются российское общество и экономика в XXI столетии. Скажем, внимание, которое специалисты из разных областей социальных наук уделяют фигуре Петра I, можно

¹ https://scholar.google.com/scholar?start=170&q=%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80+I+&hl=en&as_sdt=0,5&as_ylo=2022&as_yhi=2022

² https://scholar.google.com/scholar?q=%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80+I+&hl=en&as_sdt=0%2C5&as_ylo=2012&as_yhi=2012

³ Расчеты проводились по: <https://elibrary.ru/querybox.asp>

интерпретировать в качестве одного из маркеров, свидетельствующих о растущем межпредметном диалоге.

Но так ли это в действительности? Не является ли прилив «петрофилии» сиюминутным поветрием, данью красивой юбилейной дате? Удобный подвод проверить гипотезу о все более плотном диалоге представителей различных социальных дисциплин дает конференция «Парадоксы петровских преобразований: выводы для экономики современной России»¹, проведенная на экономическом факультете (ЭФ) МГУ имени М. В. Ломоносова 21 сентября 2022 г. В этот день в стенах ЭФ удалось собрать целое созвездие блестящих ученых, представляющих основные отрасли современных общественных наук. К радости приглашенного редактора этого номера (являющегося автором этих строк), эти исследователи согласились не только выступить на конференции, но и откликнулись на просьбу подготовить на основе своих выступлений научные статьи. Их количество позволило подготовить специальный выпуск журнала, материалы которого дают немало пищи для размышлений.

Структура статьи выглядит следующим образом. Сначала рассмотрены основные аргументы сторонников гипотезы о растущей конвергенции социальных дисциплин. Далее на примере статей, вошедших в этот номер, мы попытаемся установить особенности процессов междисциплинаризации в российских общественных науках.

Междисциплинаризация через эмпиризацию?

В последние годы все чаще стали слышны голоса специалистов, пишущих о том, что в наши дни экономика сближается с другими социальными науками. Например, известный российский экономист В. М. Полтерович указывает на растущую связь между общественными дисциплинами, позволяющую «рассматривать их как главы единой науки об обществе» (Полтерович, 2011, с. 108). Академику вторит другой авторитетный исследователь — Е. В. Балацкий, настаивающий на том, что «в настоящее время человечеством накоплены знания, вполне достаточные для создания новой синтетической социальной науки» (Балацкий, 2022, с. 12). Чуть более осторожные, но тем не менее вполне обнадеживающие для сторонников синтеза социальных наук выводы делает профессор Мангеймского университета Дж. Веттерстен. По его мнению, уже сейчас наличествуют все предпосылки для «успешной частичной интеграции экономики с другими общественно научными предметами» (Wettersten, 2022, p. 417).

К большому вниманию экономистов к идеям, развиваемым учеными из других социальных наук, призывают и ученые нобелевского калибра.

¹ Конференция «Парадоксы петровских преобразований: выводы для экономики современной России». https://www.econ.msu.ru/science/Article.20220909110837_1361/

Так, Р. Талер утверждает, что «мы по-прежнему нуждаемся в традиционных экономических теориях. Но чтобы наши прогнозы были более точными, нам следует обогатить эти теории идеями из других социальных наук» (цит. по: Backhouse, Fontaine, 2018, p. 8). В свою очередь результаты новейших библиометрических исследований заставляют даже скептически настроенных к нарративу о растущей «междисциплинарности» экономики экспертов признать, что «1990-е гг. сильно изменили дисциплину [экономику], очень быстро сделав ее более открытой к влиянию менеджмента, наук об окружающей среде и в меньшей степени различных социально-гуманитарных наук» (Truc et al., 2020).

Но чем же вызван прилив интереса экономистов к смежным дисциплинам? За ограниченностью места остановимся лишь на некоторых встречающихся в современной литературе объяснениях причин междисциплинарности обществоведческого дискурса.

Прежде всего, сторонники тезиса, который можно условно определить так: «XXI век — век синтеза социальных наук», обращают внимание на растущий интерес представителей современных социальных наук к количественным методам¹. Причины этого увлечения многогранны. Так, одни специалисты связывают количественный поворот, разворачивающийся в социальных науках в последние десятилетия, с изменениями интеллектуальной атмосферы. В частности, со снижением привлекательности великих нарративов (ассоциирующихся с социальными экспериментами XX столетия), строящихся абстрактно-дедуктивным путем и поэтому не нуждающихся в мощном эмпирическом фундаменте. Вместо них экспертное сообщество увлекли так называемые теории среднего уровня, лишенные универсалистских амбиций и покоящиеся на «наблюдаемых концепциях и *измеримых* [курсив мой. — А. М.] утверждениях» (Peterson, Bredow, 2009, p. 55). В свою очередь, удешевление вычислительных мощностей, повсеместное внедрение IT-технологий, а также стремительное расширение числа различных информационно-статистических ресурсов сделали «цифровые данные значимыми источниками объяснения социальных процессов» (Masso et al., 2020, p. 34). Некоторые эксперты и вовсе считают большие данные вратами в «новую эру эмпиризма, в которой ... данные будут говорить сами безо всякой теории» (цит. по: Kitchin, 2014, p. 3).

Представители экономической профессии не выбиваются из общенаучных трендов, уверенно погружаются в мир эмпирики и успешно разрушают сложившийся вокруг них стереотип надменных обитателей башни из слоновой кости, развлекающих друг друга занятием далекой от жизни теорией. Более того, по мнению отдельных крупных ученых, экономисты настолько преуспели в «детеоретизации» своей науки, что, раскаявшись

¹ См., подробнее, например: (Мальцев, 2020; Мальцев, 2022; Ruggles, Magnuson, 2019; Schwemmer, Wiczorek, 2020).

в «грехе» безоглядной веры в абстрактные теории, предались новым «порокам» — «эконометриковерию» (Капелюшников, 2018, с. 7) и чрезмерному увлечению экспериментальными методами исследования, якобы позволяющими «идентифицировать каузальные эффекты, не прибегая ни к каким априорным предположениям и используя лишь закон больших чисел» (Капелюшников, 2022, с. 12).

Однако как эмпиризация исследовательского пространства социальных наук связана с междисциплинаризацией? На наш взгляд, здесь можно выделить несколько аспектов.

Во-первых, одним из последствий эмпирического поворота стало растущее стремление исследователей самоидентифицировать себя не через некий набор разделяемых ими теоретических предпосылок, а через используемый(е) метод(ы). Так, библиометрические изыскания К. Харриса и соавторов подтверждают, что «экономическая наука все больше определяется через эмпирические техники» (Harris et al., 2021, p. 4). Впрочем, техника анализа стала маркером принадлежности к профессии отнюдь не только среди экономистов. «Существует группа исследователей, — описывает ситуацию в венгерской общественно-географической науке Ф. Гюрис, — осознанно самоидентифицирующая себя через использование прилагательного “количественная”» (Gyuris, 2022). От географов не отстают и представители других дисциплин, все чаще прибегающие к использованию количественных методов. При этом, по некоторым прогнозам, их успехи на этой ниве скоро могут достичь таких результатов, что экономика рискует утратить статус наиболее эмпирической дисциплины среди общественных наук. «Экономисты, — развивают эту мысль К. Харрис со своими коллегами, — потеряют свою долю [академического] рынка по мере [все более успешного] овладения социологами или историками, или эпистемологами статистикой» (Harris et al., 2021, p. 23). Казалось бы, утрата «эмпирической монополии» не сулит экономической науке ничего хорошего. Со всем тем, превращение значительной части представителей социально-гуманитарных наук в «охотников за корреляциями», убежденных в возможности «анализа данных без гипотез» (Mazzocchi, 2015, p. 1252), делает их гораздо ближе друг к другу и стирает былые межпредметные границы. Признавая определенные недостатки подобного способа занятия наукой, нельзя не заметить, что такой дизайн исследований, по-видимому, указывает на оправданность замечания Д. Коландера и соавторов, пишущих о том, что «достижения ... в статистической технике значительно улучшили количественный анализ социальных данных», создав тем самым «общее научное основание для всех социальных наук» (Colander et al., 2010, p. 3).

Во-вторых, междисциплинарная интеграция усиливается благодаря «экспорту» концепций и инструментов из одних наук в другие. Важно подчеркнуть, что если раньше обвинения в академическом экспансио-

низме адресовались, главным образом, экономистам, то сейчас ситуация поменялась. В современной литературе то и дело встречаются рассуждения об «обратном империализме», когда экономика оказывается «жертвой» колонизации со стороны некогда колонизированных ею дисциплин, теперь активно вторгающихся на ее территорию со своими инструментарием и исследовательскими программами (Chassonnery-Zaïgouche, 2017, p. 173). Типичными примерами такого рода инверсии является внедрение в экономическую науку разработок психологов, нейрочеловеческих и физиков, в результате «интервенции» которых возникли поведенческая экономика, нейроэкономика и экономика сложности, соответственно (Davis, 2012, p. 209). Хотя отдельные специалисты утверждают, будто бы экономисты успешно отразили натиск «интервентов», искусно замаскировав твердое ядро своей науки в изысканную междисциплинарную обертку¹, гораздо более точно передающими состояние дел в экономической науке видятся слова Ф. Хана, еще в 1991 г. пророчившего экономике превращение в «более «мягкий» предмет, чем она является сейчас» и предсказывавшего, что «робкие объятия» экономистов с историками, социологами и биологами все-таки будут более крепкими (Hahn, 1991, p. 47, 50). О том, насколько реальными оказались прогнозы английского ученого, отчасти говорят результаты новейших библиометрических работ, указывающие на растущий интерес экономистов к другим дисциплинам². Скажем, исследования В. Крус-э-Сильвы и М. Кавальери показали, что в 2010-е гг. в библиографических списках статей, появляющихся на страницах флагманского экономического журнала *American Economic Review*, доля ссылок на публикации по смежным социальным наукам, оказалась в четыре раза больше, чем в 1960-е гг. (Cruz-e-Silva, Cavalieri, 2022, p. 276).

В-третьих, сохраняющаяся асимметрия, когда неэкономисты более активно цитируют работы экономистов, нежели экономисты ссылаются на труды своих коллег из других социально-гуманитарных дисциплин (Cruz-e-Silva, Cavalieri, 2022), не может заслонить становящееся все более заметным стремление представителей экономической профессии инкорпорировать наработки других наук. Так, опрос практически 10 тыс. академических экономистов, проведенный П. Андре и А. Фальком, показал, что мультидисциплинарность является «вопросом, по которому экономисты достигают наиболее выраженного консенсуса: почти 80% респондентов поддерживают сдвиг в сторону наращивания мультидисциплинарности» (Andre, Falk, 2022, p. 17). Анализ содержания свежих номеров *American Economic Review* во многом подтверждает справедливость вывода немецких ученых. Ознакомившись с материалами последних выпусков этого журнала, можно, к примеру, узнать о связи смертности ниге-

¹ См., подробнее, например: (Кошовец, 2022).

² См., подробнее, например: (Angrist et al., 2020).

рийских новорожденных с качеством медицинской помощи (Okeke, 2023), выяснить, как решения нью-йоркских судов об освобождении обвиняемых под залог связаны с цветом кожи подозреваемых (Arnold et al., 2022), а также понять механизм влияния традиций городского самоуправления, возникших в средневековой Англии, на укрепление институтов парламентаризма этой страны (Angelucci, 2022). Но что же объединяет такие разные работы, казалось бы, бесконечно далекие от привычной экономической проблематики? На наш взгляд, общим знаменателем, связывающим столь непохожие друг на друга исследования, чьи создатели черпают вдохновение в разных дисциплинах, выступает, прежде всего, единый язык, используемый их авторами. Этим языком, как уже говорилось выше, становятся современные математико-статистические методы, выступающие своеобразным *lingua franca*, способным «объединить, интегрировать и связать соответствующие части этих различных [социально-гуманитарных] наук» (Tolk et al., 2018, p. 462).

Кратко подытоживая, стоит еще раз отметить, что в последние годы междисциплинаризация в социальных дисциплинах разворачивалась во многом под воздействием двух тесно связанных между собой процессов: 1) эмпирического поворота, произошедшего в обществоведении; 2) все более активного использования неэкономистами методов из арсенала точных наук. Как замечают Дж. Ангрис и соавторы, одним из главных катализаторов междисциплинаризации стало «распространение эмпирических экономических исследований, меньше прибегающих к использованию экономической теории», сделавшее «статьи, не содержащие формальных экономических моделей, более доступными для неэкономистов, тем самыми «повысив их доверие к эмпирическим результатам, в основном основанным на данных» (Angrist et al., 2020, p. 50). Безусловно, эти процессы не означают скорого наступления эпохи полной гомогенизации исследовательского пространства общественных наук. Однако они делают более жизненными гипотезу академика В. М. Полтеровича о постепенном формировании все большего количества предпосылок для становления единой науки об обществе — «общем социальном анализе», скрепляющем рыхлый конгломерат социально-гуманитарных дисциплин единством эмпирической базы и аналитического инструментария (Полтерович, 2011).

Но можно ли найти следы этого единства в работах отечественных экономистов, историков и социологов? Если да, то существует ли какая-то специфика междисциплинаризации российских общественных наук? На эти вопросы мы постараемся ответить в следующем разделе статьи, рассмотрев статьи, которые посвящены различным аспектам деятельности Петра I и подготовлены крупными российскими специалистами, представляющими значительную часть спектра современных социальных дисциплин.

Петр I и междисциплинарзация по-российски

Разумеется, трудно делать репрезентативные выводы о том, как в РФ протекает междисциплинарзация на основе изучения девяти статей, вошедших в настоящий номер «Вестника». Вместе с тем, учитывая, что в подготовке этих материалов участвовал цвет российских социальных наук, наш анализ дает возможность сделать срез дискурса, генерируемого лидерами той или иной субдисциплины. Отталкиваясь от этого, можно сформулировать ряд гипотез о наличии (отсутствии) в российском обществоведении локальных особенностей процессов междисциплинарзации, которые позже можно будет проверить на большом массиве материалов при помощи библиометрических методов.

Открывает основную часть номера статья крупного российского экономиста, ординарного профессора ВШЭ Л. М. Григорьева, в которой ученый, используя распространенную среди институционалистов концепцию *path dependence* и пришедшую из социологии концепцию социокультурных кодов, предлагает оригинальное объяснение специфики петровских преобразований. По мнению Григорьева, логика реформ Петра I диктовалась потребностью выхода из так называемой «кольцевой колеи» старых формальных и неформальных институтов, необходимых для поддержания экономики и общества в состоянии постоянной мобилизации для отражения притязаний недружественных стран-соседей. В результате проведенных монархом преобразований России удалось сокрушить могущественную Шведскую империю и ослабить Речь Посполитую. Однако платой за эти победы стало закрепление политико-экономической модели, способной обеспечить победу в военных конфликтах, но «компенсирующей» эту эффективность созданием далеко не прогрессивных и ригидных к изменениям институтов собственности.

Институциональным последствиям царствования Петра Великого также оказалась посвящена статья другого известного экономиста — профессора петербургского кампуса ВШЭ А. П. Заостровцева. Он убеждает читателей в том, что наиболее подходящей исследовательской оптикой для изучения российских реформ первой четверти XVIII столетия является синтез исторической социологии с институциональной экономикой. При помощи комбинации этих двух подходов исследователь вскрыл адаптационный характер петровской модернизации, когда архаичные политические институты Московского царства начали соединяться с заимствованными с Запада культурно-бытовыми новшествами. По мысли ученого, такое причудливое сочетание было вовсе не случайностью, а целенаправленно выбранной стратегией, нацеленной на сохранение и укрепление политической культуры Московии при помощи ее адаптации к вызовам времени через трансплантацию новейших управленческих и технологических инноваций, которые при этом не затрагивали ее субстанциональных основ и не вели к расширению прав индивидов.

На актуальность использования институционального подхода при изучении петровской модернизации указывает и главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН Ю. В. Латов. Задействовав концептуальный аппарат институциональной теории и мир-системного анализа, он показал двойственный характер петровских реформ. С одной стороны, по мысли социолога, петровская Россия отличалась от большинства других стран догоняющего типа развития лишь их опережением в выходе на траекторию прозападной модернизации, реализуемой жесткими мобилизационными способами. С другой, — геополитический триумф Петра I привел к формированию уникальной особенности российской институциональной модели, когда за успехами на военном поприще шла приостановка социально-экономических реформ, а за поражениями — их разморозка.

Не менее любопытный взгляд на петровские преобразования содержится в статье главного научного сотрудника Института истории и археологии УрО РАН С. А. Нефедова. Главной задачей исследования уральского историка стала проверка применимости теории военной революции исторического институционалиста Б. Даунинга к анализу реформ Петра I. Ее использование позволило Нефедову: 1) доказать, что исторические процессы, развернувшиеся в России в годы правления царя-реформатора, отлично вписываются в канву объяснительной схемы, предложенной американским ученым; 2) высветить «белое пятно» — финансовую подоплеку конфликта монарха и Боярской думы, сопротивлявшейся увеличению военных налогов. Малоисследованные сюжеты из истории модернизационного проекта Петра I оказались в центре внимания заведующего лабораторией Института общественных наук РАНХиГС А. А. Белых. В частности, в его статье на примере эволюции системы чинов (Табели о рангах) иллюстрируется феномен институциональной эрозии — постепенного превращения некогда прогрессивного института в архаичную систему, консервирующую отжившие свой век нормы и правила.

О неоднозначности институциональных новшеств, введенных Петром I, также много говорится в статье главного научного сотрудника ИЭ РАН П. А. Ореховского. Рассуждения о противоречивом характере петровских реформ, вероятно, выглядели бы избитым трюизмом, если бы не оригинальный методологический подход, использованный Ореховским для оценки их социально-экономических (не)успехов. Экономист предложил читателям взглянуть на эпоху Петра I сквозь призму политической теологии — дисциплины, возникшей на пересечении политологии, философии и теологии и связанной с именами Дж. Агамбена, Э. Джендилье и Э. Фегелина. Ее использование дало возможность исследователю предложить свое объяснение парадокса гипертрофированного присутствия в российском общественном дискурсе фигуры Петра Великого и недооценки таких правителей, как Алексей Михайлович и Александр II. По мнению

Ореховского, сакрализация Петра I связана с превращением его преобразований в витрину успешности приемов жесткого бюрократического регулирования, вошедших в сердцевину российской «гражданской религии», тогда как Александр Освободитель стал олицетворением «исторической вины интеллигенции за последующую кровь и ужас революции и гражданской войны, что было неприемлемо как в рамках Гражданской религии марксизма, так и в рамках сегодняшнего либерально-патриотического мифа» (Ореховский, 2023, с. 123).

«Отраслевой» разрез петровской модернизации рассматривается в статье экономического историка, доцента экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Н. А. Розинской. Она опирается на идеи институциональной теории, но в отличие от авторов других работ, вошедших в этот номер, использует ее для изучения сравнительно «узкого» сюжета — специфики реформирования Петром I аграрной сферы. Пожалуй, главный вывод, вытекающий из статьи, можно сформулировать следующим образом: «сначала институты, потом технологии». Розинская убедительно показала, что искусственное внедрение даже самых передовых инноваций без выстраивания системы стимулов не приводит к долгосрочным положительным результатам. Это замечание, на наш взгляд, может послужить дополнительным аргументом против наводнивших современный российский обществоведческий дискурс технокдетерминистских иллюзий, поклонники которых верят, будто бы ниспосланные свыше технологии обладают чудодейственной способностью решения едва ли всех социально-экономических проблем без каких-либо изменений в политической сфере.

Холодным душем для любителей другого популярного нарратива о сверхуспешности экономической политики Петра I выступает статья одного из авторитетнейших знатоков истории России XVIII в. — ординарного профессора НИУ ВШЭ Е. В. Анисимова. Подробно, несмотря на небольшой объем материала, раскрыв влияние «индустриализации по-петровски» на русское купечество, историк сосредоточил внимание на анализе последствий осуществленного за годы правления Петра Великого насаждения промышленности для институционального ландшафта российской социально-экономической системы. Вердикт ученого звучит достаточно однозначно — всемерно поддерживаемое государством развитие фабрично-заводского уклада оставило глубокие институциональные рубцы¹, которые не разгладились даже к началу XX столетия. Тепличность образования промышленности, как утверждает Анисимов, способствовала превращению промышленности в разновидность крепостного хозяйства, крайне негативно сказалась на становлении русского капитализма (Анисимов, 2023, с. 147, 155).

¹ См., подробнее: (Плискевич, 2022).

Рассмотрение негативных сторон экономической политики императора-индустриализатора нашло продолжение в работе другого крупного специалиста по петровско-екатерининской эпохе из Высшей школы экономики — профессора А. Б. Каменского. По мнению историка, создание основанной на подневольном труде тяжелой промышленности вкупе с отсутствием гарантий прав собственности стало институциональной бомбой замедленного действия, заложившей основы будущего отставания России от европейских государств. Однако наряду с безусловно отрицательными последствиями петровских реформ Каменский выделяет и несомненно позитивные моменты. В частности, ученый объясняет устойчивость ряда созданных Петром I институтов (например, в области культуры повседневности и государственном управлении) схожестью их дизайна с лучшими европейскими образцами, а также соответствием их направленности внутренним чаяниям российского общества рубежа XVII—XVIII столетий. «Реформы могут быть успешны только если их направленность соответствует тенденциям развития общества», — делает вывод специалист (Каменский, 2023, с. 163).

Ознакомившись с содержанием статей, вошедших в этот номер журнала, попробуем отыскать «общий знаменатель», объединяющий этот разрозненный конгломерат материалов, в которых, на первый взгляд, нет ничего общего, кроме упоминания в каждом из них имени первого Императора Всероссийского. Для начала напомним, что за рубежом «магнитом», стягивающим различные субнаправления социально-гуманитарного знания, все чаще выступают количественные методы, а ускорение процессов междисциплинаризации совпало с постепенным переключением внимания представителей социальных наук от высокого теоретизирования к изучению прикладных вопросов. Но вписываются ли в эти тренды работы из настоящего выпуска «Вестника» или российские общественные дисциплины развиваются в противоположном направлении от глобальных научных тенденций?

Даже беглый просмотр данных статей позволяет дать однозначный ответ: междисциплинаризация в российских социальных науках идет по другой траектории. В самом деле несмотря на то, что среди авторов этого выпуска журнала есть специалисты, прекрасно владеющие современными количественными методами анализа, и даже профессиональные математики, в анализируемых статьях нельзя встретить греческие буквы, уравнения и эконометрические выкладки. Складывается впечатление, что российские обществоведы, решая извечную дилемму реалистичности и научной строгости¹, явно тяготеют к первой из альтернатив. Это наблюдение вполне согласуется с часто встречающимся в литературе мнением о том, что российские интеллектуалы «испытывают потребность понять

¹ См., подробнее: (Автономов, 2013).

мир в целом» (Medvedeva, 2018, p. 40) и поэтому стремятся «выявить самые важные особенности российских социальных отношений и сущности повседневной жизни» (Vykova, Steiner, 2021, p. 3). При такой постановке исследовательского вопроса математическая точность анализа становится вторичной, а на первый план выходит его широта. Неудивительно, что, по мнению специалистов, для представителей российского обществоведческого дискурса характерна склонность к «созданию общих теорий» (Medvedeva, 2018, p. 41).

Однако как соотносятся эти теоретико-методологические нюансы и специфика процессов междисциплинаризации в Российской Федерации? С нашей точки зрения, самым тесным образом. Как уже отмечалось выше, если за рубежом все большую роль в снижении высоты барьеров, отделяющих одну общественную дисциплину от другой, играет общность используемого представителями разных наук аналитического инструментария, то в нашей стране *lingua franca*, объединяющим сообществом различных обществоведов, выступают метанарративы. На протяжении большей части XX столетия таким «великим повествованием» являлся марксизм, на смену которому в 1990-е гг. пришел институционализм¹. При этом к концу 2000-х гг. увлечение институционализмом в РФ достигло такого масштаба, что специалисты заговорили об институциональном буме в российском обществоведении². В конечном счете институционализм (вероятно, из-за размытости его границ и концептуальной пластичности) стал идейной площадкой, объединяющей представителей разных дисциплин, придерживающихся зачастую диаметрально противоположных взглядов.

Эта «гостеприимность» институционализма хорошо заметна на примере материалов настоящего номера «Вестника». Через увеличительное стекло институционализма социально-экономические реформы Петра I рассматривает антиэтатист экономист Заостровцев и незамеченный в неприятии этатизма социолог Латов. Институциональные аспекты в своих работах затрагивают и социальные историки Анисимов и Каменский, и историк экономической мысли Белых. Очень точно эту интегративную способность институционализма описала Н. А. Макашева: «...практически никто не возражает против институционализма. В рамках институционализма нашли себе место и “славянофилы”, и “западники”, и приверженцы эмпирического подхода, и “чистые” теоретики, и либералы, и социалисты, и математики, и “нарративисты”» (Макашева, 2006, с. 26).

Разумеется, гипотеза о превращении институционализма в России в своеобразный «клей», соединяющий приверженцев столь сильно различающихся воззрений, нуждается в проверке на гораздо более широкой

¹ См., например: (Мальцев, 2016).

² См. подробнее: (Кирдина, 2015).

выборке работ, чем девять статей из данного номера журнала. Для изучения глубины проникновения институционального нарратива в другие общественные науки, несомненно, требуются специализированные социологические и библиометрические исследования.

Однако одно можно сказать с достаточно высокой степенью уверенности следующее. Развитие межпредметного диалога ставит на повестку дня задачу организации точек сбора исследователей, в рамках которых ученые, представляющие разные направления социально-гуманитарного знания, могли бы слушать друг друга и имели возможность свободно посещать творческие лаборатории коллег по обществоведческому «цеху». В этом отношении проведенная ЭФ МГУ конференция, посвященная обсуждению специфики петровских преобразований, выступает неплохим примером площадки, способствующей преодолению «геттоизации» российских общественных наук. Хочется верить, что с каждым годом число подобных мероприятий в РФ будет возрастать и все они будут способствовать коллаборации специалистов, занимающихся изучением все более усложняющегося общества.

* * *

Фигура Петра I на протяжении нескольких столетий притягивает к себе внимание специалистов с разными академическими бэкграундами. Анализ статей, подготовленных участниками конференции «Парадоксы петровских преобразований: выводы для экономики современной России», показал, что российские обществоведы, невзирая на различия в оценках деятельности царя-реформатора, часто опираются в своих выводах на наработки институциональной теории. Складывается ощущение, что в РФ одним из своеобразных мостов, связывающим дисциплины социально-гуманитарного профиля, стал институционализм. Выбор «материала», из которого возведен этот междисциплинарный мост, по-видимому, является одной из отличительных характеристик российского обществоведческого дискурса. О том, насколько сохранение теоретико-ориентированного характера исследовательской культуры отечественного обществоведения полезно в деле изучения природы и последствий петровских преобразований, каждый читатель может ответить себе сам, познакомившись со статьями этого выпуска «Вестника МГУ».

Список литературы

Автономов, В. С. (2013). Абстракция — мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики). *Вопросы экономики*, 4, 4–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-4-4-23>

Анисимов, Е. В. (2023). Индустриализация, как ее задумал Петр Великий. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 2, 147–158.

Балацкий, Е. В. (2022). Новые императивы экономического знания: на пути к социомике. *Социальное пространство*, 4, 1–19. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.2

Каменский, А. Б. (2023). Уроки петровских реформ глазами историка. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 2, 159–167.

Капелюшников, Р. И. (2018). *О современном состоянии экономической науки: полу-социологические наблюдения*. Препринт WP3/2018/03. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Капелюшников, Р. И. (2022). *Рандомисты: новая экономика развития*. Препринт WP3/2022/07. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Кирдина, С. Г. (2015). Институционализм в России в 1930–2010-е гг.: инверсионный цикл? *Journal of Institutional Studies Journal of Institutional Studies*, 7(2), 6–37. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.006-037

Кошовец, О. Б. (2022). Экономический агент в ваших мозгах: нейроэкономический дискурс и границы рационального. *Вопросы теоретической экономики*, 2, 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_2_7_21

Макашева, Н. А. (2006). Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х — 1990-е гг.): революция и рост научного знания. *Экономические и социальные проблемы России*, 1, 12–32.

Мальцев, А. А. (2022). Золушка или принцесса: прошлое и настоящее экономической истории. *Вопросы экономики*, 11, 24–56. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-11-24-56>

Мальцев, А. А. (2020). Проблемы и перспективы развития истории экономической мысли: взгляд российских и зарубежных ученых. *Вопросы экономики*, 9, 94–119. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-9-94-119>

Мальцев, А. А. (2016). Российское сообщество экономистов: особенности и перспективы. *Вопросы экономики*, 11, 135–158. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-11-135-158>

Ореховский, П. А. (2023). Амбивалентность мифа Петра I в новой российской политической теологии. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 2, 114–125.

Плискевич, Н. М. (2022). Институциональные рубцы в «пограничных» обществах и эволюция человеческого потенциала (Часть 1: Институциональные рубцы). *Вопросы теоретической экономики*, 3, 130–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_130_143

Полтерович, В. М. (2011). Становление общего социального анализа. *Общественные науки и современность*, 2, 101–111.

Andre, P., & Falk, A. (2022). What's Worth Knowing? Economists' Opinions about Economics. <https://www.briq-institute.org/files/whats-worth-knowing.pdf>

Angelucci, C., Meraglia, S., & Voigtländer, N. (2022). How Merchant Towns Shaped Parliaments: From the Norman Conquest of England to the Great Reform Act. *American Economic Review*, 112(10), 3441–3487.

Angrist, J., Azoulay, P., Ellison, G., Hill, R., & Feng Lu, S. (2020). Inside Job or Deep Impact? Extramural Citations and the Influence of Economic Scholarship. *Journal of Economic Literature*, 58(1), 3–52. DOI: 10.1257/jel.20181508

Arnold, D., Dobbie, W., & Hull, P. (2022). Measuring Racial Discrimination in Bail Decisions. *American Economic Review*, 112(9), 2992–3038. DOI: 10.1257/aer.20201653

Backhouse, R., & Fontaine, P. (2018). Economics and Other Social Sciences: A Historical Perspective. *Annals of the Fondazione Luigi Einaudi*, LII, 7–44. DOI: 10.26331/1051

Bykova, M. F., & Steiner, L. (2021). Introduction: On Russian Thought and Intellectual Tradition. In: Bykova M. F., Forster M. N., Steiner L. (Eds.). *The Palgrave Handbook*

of *Russian Thought*. Cham: Palgrave Macmillan, 1–21. https://doi.org/10.1007/978-3-030-62982-3_1

Chassonnery-Zaïgouche, C. (2017). Crossing Boundaries, Displacing Previous Knowledge and Claiming Superiority: Is the Economics of Discrimination a Conquest of Economics Imperialism? In: Mäki U., Fernández Pinto M., Walsh A. (Eds.). *Scientific Imperialism: Exploring the Boundaries of Interdisciplinarity*. London: Routledge, 161–184.

Colander, D., Kupers, R., Lux, T., & Rothschild, C. (2010). *Reintegrating the Social Sciences: The Dahlem Group*. Middlebury College WP Series No. 1033. Vermont: Middlebury College.

Cruz-e-Silva, V., & Cavalieri, M. (2022). Patterns of Interdisciplinary Citations and Asymmetry Between Economics and the Neighboring Social Sciences from 1959 to 2018. *Nova Economia*, 32(1), 261–291. <https://doi.org/10.1590/0103-6351/6591>

Davis, J. B. (2012). Mäki on Economics Imperialism. In: Lehtinen A., Kuorikoski J., Ylikoski P. (Eds.). *Economics for Real Uskali Mäki and the Place of Truth in Economics*. London: Routledge, 203–219.

Gyuris, F. (2022). Multivariate Functions: Heterogeneous Realities of Quantitative Geography in Hungary. In: Gyuris F., Michel B., Paulus K. (Eds.). *Recalibrating the Quantitative Revolution in Geography*. London: Routledge, 80–101. DOI:10.4324/9781003122104-6

Hahn, F. (1991). The Next Hundred Years. *The Economic Journal*, 101(404), 47–50.

Harris, C., Myers, A., Briol, C., & Carlen S. (2021). *The Binding Force of Economics*. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4003466

Kitchin, R. (2014). Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts. *Big Data & Society*, 1, 1–12. DOI: 10.1177/2053951714528481

Masso, A., Männiste, M., & Siibak, A. (2020). End of Theory' in the Era of Big Data: Methodological Practices and Challenges in Social Media Studies. *Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum*, 8(1), 33–61. DOI: 10.11590/abhps.2020.1.02

Mazzocchi, F. (2015). Could Big Data be the End of Theory in Science? A Few Remarks on the Epistemology of Data-Driven Science. *EMBO Reports*, 16(10), 1250–1255. DOI: 10.15252/embr.201541001

Medvedeva, T. A. (2018). Cybernetics and the Russian Intellectual Tradition. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 10, 37–45. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-10-37-46>

Okeke, E. N. (2023). When a Doctor Falls from the Sky: The Impact of Easing Doctor Supply Constraints on Mortality. *American Economic Review*, 113(3), 585–627.

Peterson, S. J., & Bredow, T. S. (2009). *Middle Range Theories: Application to Nursing Research*. Philadelphia: Wolters Kluwer.

Raeff, M. (2019). *Political Ideas and Institutions in Imperial Russia*. L., N. Y. : Routledge.

Ruggles, S., & Magnuson, D. L. (2019). The History of Quantification in History: The JIH as a Case Study. *The Journal of Interdisciplinary History*, 50(3), 363–381. DOI: https://doi.org/10.1162/jinh_a_01446

Schwemmer, C., & Wiczorek, O. (2020). The Methodological Divide of Sociology: Evidence from Two Decades of Journal Publications. *Sociology*, 54(1), 3–21.

Tolk, A., Wildman, W. J., Shults, F. L., & Diallo, S. Y. (2018). Human Simulation as the Lingua Franca for Computational Social Sciences and Humanities: Potential and Pitfalls. *Journal of Cognition and Culture*, 18(5), 462–482. DOI: <https://doi.org/10.1163/15685373-12340040>

Truc, A., Santerre, O., Gingras, Y., & Claveau, F. (2020). *The Interdisciplinarity of Economics*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3669335>

Wettersten, J. (2022). *Fallibilist Solutions to Institutional Problems*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.

References

- Anisimov, E. V. (2023). Industrialization as envisioned by Peter the Great. *Moscow University Economics Bulletin*, 2, 147-158.
- Avtonomov, V. (2013). Abstraction as a Mother of Order? *Voprosy Ekonomiki*, 4, 4–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-4-4-23>
- Balatsky, E. V. (2022). New imperatives of economic knowledge: on the way to socioeconomics. *Social Space*, 4, 1–19. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.2
- Kamensky, A. B. (2023). The lessons of Peter's reforms through the eyes of a historian *Moscow University Economics Bulletin*, 2, 159-167.
- Kapelyushnikov, R. I. (2018). *On the current state of economic science: Semi-sociological observations*. Working Paper 3/2018/03. Moscow: Higher School of Economics Publishing House.
- Kapelyushnikov, R. I. (2022). *Randomists: New development economics*. Working Paper 3/2022/07 Moscow: Higher School of Economics Publishing House.
- Kirdina, S. G. (2015). Institutionalism in Russia in the 1930s-2010s: An inversion cycle? *Journal of Institutional Studies Journal of Institutional Studies*, 7(2), 6–37. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.006-037
- Koshovets, O. B. (2022). The economic agent in your brain: neuroeconomic discourse and the limits of the rational. *Questions of Theoretical Economics*, 2, 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_2_7_21
- Makasheva, N. A. (2006). Economic science in Russia in the period of transformation (late 1980s–1990s): Revolution and growth of scientific knowledge. *Economic and social problems of Russia*, 1, 12–32.
- Maltsev, A. A. (2022). Cinderella or princess: Past and present of economic history. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 24–56. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-11-24-56>
- Maltsev, A. A. (2016). Russian community of economists: Main features and perspectives. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 135–158. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-11-135-158>
- Maltsev, A. A. (2020). Whither history of economic thought: A perspective from Russian and international scholars. *Voprosy Ekonomiki*, 9, 94–119. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-9-94-119>
- Orekhovsky, P. A. (2023). The ambivalence of the myth of Peter I in the new Russian political theology. *Moscow University Economics Bulletin*, 2, 114-125.
- Pliskevich, N. M. (2022). Institutional scars in “frontier” societies and the evolution of human potential (Part 1. Institutional scars). *Issues in Theoretical Economics*, 3, 130–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_130_143
- Polterovich, V. M. (2011). The formation of general social analysis. *Social Sciences and Modernity*, 2, 101–111.